

«Неужели и старший брат решил последовать примеру второго и нянчиться с внуком? И, похоже, ему это даже нравится. Вот что возраст с людьми делает, все взгляды меняются. Стареем, стареем. Даже тот былой пыл, который меня так раздражал, куда-то испарился».

С такими мыслями Линь Гохун вошёл в гостиную...

Три дня спустя, ранним утром.

Дети спят крепко, к тому же Фэйфэй спал и днём, поэтому иногда он просыпался даже раньше неработающего Линь Сыняня.

Проснувшись, Фэйфэй, чтобы не будить папу, тихонько вышел из спальни и постучал в дверь дедушкиной комнаты. Это уже стало их с Линь Гошэном традицией.

Он постучал, и дедушка, уже одетый в тренировочный костюм, открыл дверь. Затем они, взявшись за руки, спустились вниз на утреннюю зарядку.

На самом деле, тренировался только Линь Гошэн, а Фэйфэй большую часть времени сидел на маленьком стульчике и, подперев подбородок руками, наблюдал. Иногда, насмотревшись, малыш начинал несколько преувеличивать свои способности.

Когда Линь Гошэн закончил комплекс оздоровительной гимнастики и стал восстанавливать дыхание, Фэйфэй встал со своего стульчика и решительно занял позицию перед дедом.

Подражая движениям дедушки, которые он запомнил, малыш сложил руки на груди, глубоко вдохнул, а затем выдохнул. При этом его животик заметно надувался и сдувался — было видно, что он очень старается.

Взгляд Линь Гошэна был прикован к Фэйфэю. Он решил не начинать второй комплекс, а с интересом наблюдать за внуком.

— Ху-у-ух, — протяжно выдохнул Фэйфэй и принял исходную позицию первого комплекса дедушкиной гимнастики.

Поднять ногу, толкнуть рукой, ударить кулаком, вернуть руку. Движения ног, вперёд, назад...

Закончив последним толчком, Фэйфэй с ожиданием посмотрел на деда.

— Дедушка, я тоже умею!

Малыш был уверен, что выполнил всё идеально. Плавные, отточенные движения.

Но с точки зрения Линь Гошэна, это выглядело так: маленький пухлый ребёнок сделал шаг влево, потом шаг вправо. Поднял ручку, потом пнул ножкой.

Очень... очень мило.

Линь Гошэн с одобрением зааплодировал. Его лицо выражало искреннее удивление.

— Фэйфэй, ты научился, просто глядя со стороны? Как так хорошо получилось! Дедушка даже не помнит, чтобы учил тебя.

Его тон был естественным, выражение лица — живым, без единого изъяна. Актёрский талант Линь Сыняня, очевидно, был наследственным.

Малыша похвала смутила, но в то же время наполнила гордостью. Во время следующего комплекса Линь Гошэн, видя энтузиазм Фэйфэя, решил делать упражнения вместе с ним.

«Нужно заказать для внука такой же тренировочный костюм и защиту», — подумал он. — «Неважно, насколько хорошо у него получается, главное — экипировка должна быть на уровне».

После зарядки Линь Гошэн посмотрел на часы: семь тридцать. В старом особняке семьи Линь, как и его обитатели, всё ещё царила сонная тишина.

Линь Гошэн покачал головой. Старший и третий братья после выхода на пенсию совсем обленились. Раньше Линь Госюн, когда у него была охранная компания, вставал с первыми петухами. И третий, Линь Гохун... Неудивительно, что старший брат говорит, будто тот после пенсии всё толстеет и толстеет. Двигаться стал намного меньше.

На самом деле, Линь Гошэн судил по себе. Раньше он тоже занимался спортом, но не с таким рвением, как сейчас. Причина, по которой он, даже выйдя на пенсию, не расслаблялся, заключалась в его желании прожить как можно дольше, год за годом, чтобы увидеть, как Фэйфэй вырастет, создаст семью.

Иначе, если жизнь не мила, зачем вообще тренироваться?

Линь Гошэн взял внука за руку, и они вернулись в гостиную. На столе уже стоял завтрак для них двоих.

Усадив Фэйфэя на его место, Линь Гошэн не стал есть свою порцию, а сначала почистил для малыша яйцо.

— Ешь, — он погладил Фэйфэя по голове.

Во время завтрака Линь Гошэну позвонил старый друг. Вспомнив, что давно не играл с господином Чу в го, он тут же согласился на приглашение. Подумав о том, что его внук хорошо поладил с Чу Сяоханем, он спросил у Фэйфэя:

— Хочешь поехать с дедушкой в гости к твоему братику Сяоханю?

— Да! — тут же кивнул Фэйфэй.

Хотя после того случая его никто не ругал, Линь Сынянь всё же доходчиво, медленно и обстоятельно объяснил ему, что маленьким детям нельзя выходить из дома одним, даже с другими детьми.

Напоследок, чтобы Фэйфэй наверняка запомнил, Линь Сынянь прибег к крайним мерам: если выйдешь один и тебя поймает плохой человек, ты больше никогда не увидишь папу, дедушку, бабушку, дядю и братика.

В итоге он получил заплаканного, перепуганного малыша, который обнял папу и пообещал, что больше никогда не будет выходить один.

Остальные члены семьи потом упрекали Линь Сыняня за то, что он напугал ребёнка, но никто не стал ему мешать. Потому что, даже зная, что за Чу Сяоханем постоянно присматривали, тот случай заставил всех поволноваться.

Малыш должен был усвоить урок! Если подобное повторится, они все просто сойдут с ума.

Фэйфэй запомнил этот урок очень хорошо и надолго.

Он понял: детям нельзя выходить одним, потому что они ещё маленькие. У взрослых много сил, и если, пока ты один, плохой дядя увидит, какой Фэйфэй милый, и захочет забрать его к себе, малыш не сможет сопротивляться. Его унесут, и он больше никогда не увидит папу.

Эти слова сопровождались действием: Линь Сынянь с лёгкостью поднял малыша на руки.

Наглядно, просто и понятно.

Поняв это, Фэйфэй забеспокоился, а понял ли это его друг. Ведь в прошлый раз именно Сяосяо предложил ему выйти. Значит, Сяосяо не знает.

А если Сяосяо не знает и в следующий раз снова выйдет один, и его поймает плохой человек?

Это очень опасно!

Фэйфэй все эти дни думал о том, как бы найти Чу Сяоханя и пересказать ему папины слова.

Он очень беспокоился о безопасности своего единственного друга.

Убедившись, что Фэйфэй тоже хочет поехать, дед и внук за десять минут управились с завтраком и попросили водителя отвезти их к семье Чу.

Двадцать минут спустя.

— Сяосяо, я приехал к тебе поиграть! — крикнул Фэйфэй, выходя из машины и махая рукой стоявшему на улице Чу Сяоханю.

Лицо Чу Сяоханя, до этого немного отстранённое, вдруг озарилось радостью. Дедушка не говорил ему, что Фэйфэй тоже приедет.

Фэйфэй подбежал к Чу Сяоханю, и тот, боясь, что он упадёт, поспешил ему навстречу. Когда между ними осталось меньше двух шагов, Чу Сяохань остановился и, поджав губы, сказал:

— Я старше тебя, ты должен называть меня «братик».

В прошлый раз он заметил, что малыш почему-то изменил обращение. «Сяосяо» — звучало слишком по-детски.

При первой встрече Фэйфэй называл его «братик Чу Сяохань», но чтобы отличать его от домашних братьев, он добавил два слова.

Но четыре слога произносить было утомительно, поэтому обращение к Чу Сяоханю постепенно изменилось: братик — братик Сяохань — Сяосяо. Так он его и «понижил в звании».

К счастью, Фэйфэй был сговорчивым. Увидев, что Чу Сяоханю не нравится «Сяосяо» и он просит называть его «братиком», малыш тут же послушно исправился:

— Братик Сяохань.

— Братик Сяохань, я приехал к тебе поиграть, — повторил он, и Чу Сяохань взял его за маленькую ручку.

Два малыша пошли вперёд, а Линь Гошэн с улыбкой следовал за ними.

Две маленькие головки склонились друг к другу, о чём-то шепчась.

— Твой папа в порядке? — спросил Чу Сяохань.

Он, в отличие от Фэйфэя, не был так наивен. В тот день в «Звёздных развлечениях» он почувствовал, что атмосфера была какой-то странной. Вернувшись, он спросил у дедушки, и тот указал на компьютер, предложив поискать ответ самому.

По сравнению с обычным трёхлетним ребёнком, Чу Сяохань был почти гением.

Хоть он ещё не знал всех иероглифов, но с помощью словаря он смог разобраться в новостях того дня.

Он не был ребёнком, который видел мир в розовом цвете. Ранний опыт научил его, что мир жесток.

Из-за смерти Лань Синцзэ дело Линь Сыняня снова всплыло, и некоторые СМИ даже писали, что Линь Сынянь был на месте самоубийства.

Чу Сяохань, сопоставив факты, понял, почему в тот день в гримёрке Линь Сыняня была такая странная атмосфера.

— А что с папой? — моргнув, переспросил малыш.

«Похоже, всё в порядке», — подумал Чу Сяохань.

— Ничего, просто в новостях писали... Хорошо, что это никак не повлияло на твоего папу, — видя, что малыш не в курсе, Чу Сяохань не стал упоминать при нём Лань Синцзэ.

Такой наивный и счастливый ребёнок, даже если ему суждено повзрослеть, должен взрослеть медленно, под ласковым прикосновением времени.

Мгновенное взросление, не соответствующее возрасту, часто требует высокой цены.

Чу Сяохань не стал много думать об этом, но инстинктивно не хотел, чтобы Фэйфэй соприкасался с такими жестокими вещами.

Ему-то ладно, а вот малыш, если увидит такое, наверняка будет мучиться кошмарами.

Фэйфэй, склонив голову набок, подумал и сказал:

— Папа радуется.

С шерстинкой Фэйфэя и тем, что он последние дни никуда не ходил, а проводил время с сыном, тёмная, почти чернильная аура вокруг Линь Сыняня значительно посветлела. Со временем она, возможно, и вовсе исчезнет.

— Радуется — это хорошо. Взрослые часто не радуются, — кивнул Чу Сяохань.

Эти слова озадачили Фэйфэя. Он так не думал.

Все, включая старшего и третьего дедушек, которых он видел на днях, радовались. Третий дедушка вчера даже играл с ним, братиком, дядей и папой в прятки.

Расстояние от ворот до гостиной было небольшим, и они быстро дошли. Господин Чу, издали завидев их, вышел навстречу.

Встретившись, господин Чу и Линь Гошэн не стали заниматься ничем другим, а сразу сели за го.

Господин Чу уже приготовил доску.

Боясь, что детям будет скучно, он махнул рукой:

— Сяохань, можешь отвести Фэйфэя в сад. Садовник на днях пересадил туда много цветов, я и сам ещё не видел, что там посадили.

Чу Сяохань кивнул и повёл Фэйфэя за собой.

Глядя на спины малышей, Линь Гошэн хотел что-то сказать, но промолчал.

Господин Чу, заметив его выражение лица, с улыбкой сделал ход и сказал:

— Не волнуйся, я поговорил с Сяоханем, когда он вернулся. Он больше не уведёт твоего драгоценного внука.

— Хе-хе, — улыбнулся Линь Гошэн и, посмотрев на доску, изменился в лице. — Кто тебе позволил ходить первым? В прошлый раз ты ходил первым, теперь моя очередь.

— Да ладно тебе, чёрные камни уже у меня, менять теперь — одна морока, — небрежно отмахнулся господин Чу.

Линь Гошэн сделал ход, и они начали партию.

— Гошэн, а ведь твой внук и правда всем нравится. Я смотрю на него, и мне на душе радостнее становится. Иногда даже думаю, хорошо бы ты почаще его привозил, — сказал господин Чу без всякой задней мысли. Ему действительно очень нравился этот малыш.

Он видел его всего дважды, но уже успел полюбить.

— Это мой внук, — рефлекторно, на автомате ответил Линь Гошэн. Что поделать, за последние три дня дома он привык так говорить.

В доме семьи Линь.

В восемь с лишним Линь Госюн наконец проснулся и спустился вниз. Увидев, что в доме тихо, он подумал, что ещё никто не встал, и сел завтракать в одиночестве.

Минут через десять спустился и третий брат, Линь Гохун. Он спускался, потягиваясь.

Неизвестно, было ли это связано с хорошим настроением, но он на удивление крепко спал две ночи подряд.

В прошлом году Линь Гохун отметил своё шестидесятилетие. Он выглядел моложе старшего брата, Линь Госюна. Будучи родными братьями, они были похожи друг на друга.

Однако Линь Гохун был немного полнее, чем его братья, но не настолько, как говорил Линь Госюн, мол, «скоро ходить не сможет». Говорят, характер отражается на внешности, и Линь Гохун выглядел как добродушный, состоятельный старик.

Только изредка проскальзывающий в его глазах острый блеск и привычка улыбаться одними губами выдавали в нём «старого лиса».

Спустившись и увидев Линь Госюна, он первым делом спросил:

— Где Фэйфэй? Ещё не встал?

При этом он подумал: «Может, сводить сегодня Фэйфэя куда-нибудь? Обычные дети ведь любят парки аттракционов. Тот, что в поместье, уже двадцать лет стоит, староват».

— Наверное, — ответил Линь Госюн.

После этого Линь Гохун тоже сел завтракать и завёл с братом разговор:

— Ты же недавно купил участок на кладбище, да? Мой старый друг просил узнать, не продаёшь ли ты его? Если согласишься, он готов заплатить вдвое.

Линь Госюн действовал быстро, и многие, кто потом тоже хотел купить там место, опоздали.

Линь Госюн на мгновение замолчал. Он и сам не был уверен, продавать или нет.

Потому что за последние два дня он обнаружил, что, кажется, возможно, ему уже не так сильно хочется умирать.

Но если он продаст, а потом передумает, придётся снова тратить силы на поиски.

В итоге он решил:

— Скажи ему, что я не нуждаюсь в деньгах. Не продаётся.

Даже если он сам не воспользуется, можно оставить в наследство. Тоже неплохо.

Прошёл ещё час, и Линь Гохун почувствовал что-то неладное. Увидев спускающихся Линь Сыняня и Линь Ханя, он спросил у первого:

— Твой отец ещё не встал? И Фэйфэй тоже?

— Они давно проснулись, — ответил Линь Сынянь, спускаясь по лестнице. — Уехали к господину Чу, дедушка играет с ним в го.

Когда Фэйфэй уезжал, он предупредил Линь Сыняня, поэтому тот несколько не удивился, не увидев малыша.

— Нет, ну как это! Он уехал и уехал, зачем Фэйфэя с собой забрал? Я же обещал сводить его в парк аттракционов! — возмутился Линь Гохун.

— Уезжает и даже мне, старшему брату, не говорит! Совсем меня в грош не ставит! — подхватил Линь Госюн.

Молча спустившийся Линь Хань подумал: «Где-то я это уже видел».

<http://bllate.org/book/13654/1586977>